

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ

15-летие театра им. ВАХТАНГОВА

Говорить о театре им. Вахтангова — значит прежде всего говорить о самом Вахтангове, о его художественных заветах и соответствии процесса работ и развития театра этим заветам.

Что характеризует заветы Вахтангова?

Прежде всего это новое, радостное жизнеутверждение, связанное с Великой пролетарской революцией. И — поиски выразительных средств для этого, поиски подлинного театрального реализма.

Вчерашний романтик, эстет, толстолиц, Вахтангов сразу преобразается в грозе октябрьских бурь.

«Надо же, наконец, понять, — записывает он в своем дневнике, — что все старое кончилось. Навсегда. Умирают дари. Не вернутся помещики. Не вернутся капиталисты. Не будет фабрикантов. Надо же понять, что со всем этим покончено».

В старой студии Художественного театра, где шли тихие «Сверчки на печи», где все носило характер, как определял сам Вахтангов, монастыря, где высшим творческим правилом была «аполитичность», невмешательство в жизнь, Вахтангову становится тесно. «Нельзя работать так, как мы работали до сих пор, — говорит он, — нельзя продолжать заниматься искусством для собственного удовольствия. У нас, в студии, слишком душно. Выставьте окна! Пусть войдет сюда свежий воздух. Пусть войдет сюда жизнь!»

И когда вчерашняя студия-монастырь с ее «сверчками» не хочет выставить окно с той рвительностью, с какой этого требовал Вахтангов, он с небольшой группой своих учеников уходит оттуда и организует новую — третью студию Художественного театра.

Студия открылась 13 ноября 1921 г., т. е. пятнадцать лет тому назад. Эту юбилейную дату и празднует сейчас театр им. Вахтангова.

С открытием новой студии перед Вахтанговым и его учениками встала задача — найти те пути, которые превратят ее в театр, найти пути, которые будут служить основой лозунга «Театр должен служить современности», найти театральную форму, способную реалистически отобразить революционную современность и служить ей.

Для этого актер должен прежде всего, — гласит одна из записей в дневнике Вахтангова, — «понять, как дурно люди жили до сих пор и как прекрасно то, что сейчас совершается».

Значит ли это, что искусство и театры должны совсем отказаться от старого? Конечно, нет, отвечает Вахтангов, не переставай подчеркивать связь с той школой, которую он прошел в Художественном театре, и с именем своего гениального учителя Константина Сергеевича Станиславского. Из старых театральных традиций, — развивая их свои взгляды Вахтангов в ответ на предложение возглавить режиссерскую секцию при театральном отделе Наркомпроса, — надо взять и сохранить самое «прекрасное» и «значать снова строить новое».

Те театры, которые не поймут этого, останутся навсегда «старыми театрами», «старом-хуасем». Ради них не стоит работать — «душек доживают свои дни». Театры, «прятующиеся от тех, кто строит новую жизнь», не интересуют Вахтангова. Он хо-

чет работать для тех и с теми, кто «поныч, как дурно люди жили до сих пор и как прекрасно то, что сейчас совершается».

Какие же театральные формы отвечают этому новому содержанию? Что нужно прежде всего переоценить в старом театре? Для Вахтангова в старом театре неприемлема прежде всего успокоенность этого театра, его пассивность, его созерцательность. Сейчас нельзя рисовать непротивленчески, пассивно изображать, надо страстно бороться за новую жизнь, за новую правду, нового человека.

Поэтому Вахтангов обрушивается прежде всего на натурализм, т. е. на метод копировать на сцене быт, фотографировать жизнь во всех ее внешних подробностях, не делая никаких обобщений, не выражая своего отношения, спокойно смотря на правых и виновных. Со всей страстью и протестом против такого снижения искусства и аполитичности его Вахтангов энергично заносит в свой дневник:

«Да погибнет натурализм!»

Вахтангов ищет настоящего театрального реализма, перасчитанного теперь для него с «исключением правды». Наступает период лабораторных работ в поисках формы. Для такой лабораторной работы Вахтангов выбирает сказку Гоцци «Принцесса Турандот».

На премьеру «Принцессы Турандот» 7 апреля 1922 г. Вахтангову не пришлось быть. Давно подтачивавшая организм болезнь в последние приступы приковала его к постели. В прочтении от его имени письма к зрителям, строгий к себе и к поставленным перед студией задачам, Вахтангов считает нужным сказать, что «Принцесса Турандот» — еще не театр и не спектакль, ибо для этого нужны годы.

Но уже в ночь после премьеры «Турандот» Ва. Ив. Нежирович-Данченко, несомненно выразив мнение всего присутствовавшего на премьеру коллектива Художественного театра со Станиславским во главе, благодарит Вахтангова «за высокую художественную радость, за чудесные достижения, за благородную смелость при разрешении новейших театральных проблем, за украшение имени Художественного театра».

Целиком ли театр им. Вахтангова осуществляется заветы своего учителя? Можно ли сказать, что пятнадцатилетний путь театра был путем последовательно вахтанговским? Нет, театр очень часто отклонялся от вахтанговской правды, от вахтанговских понятий реализма, от вахтанговской строгости к себе. Но наряду с поражениями театр знал и ряд несомненных побед. В бурении внутренних сил театра все же неизменно чувствовалось, что «вахтанговцы» побеждают и все нездоровые уклоны будут изжиты. Такие спектакли-победы — «Фирреня» Сейфуллиной, «Барсуки» Леонова, «Разлом» Лавренко, «Заговор чувств» Ю. Олейни, «Интервенция» Славина, «Далекое» Афиногенова и особенно «Игорь Бульчичев» Махмуда Горького, В «Всере Бульчичев» и последней премьеры — комедия Шекспира «Много шума из ничего» театр показал, какие силы и возможности имеются в его коллективе, как крепнут его кадры и как снова все отклонения и отдельные ошибки он к пятнадцатилетнему юбилею приходит с прочной и заслуженной репутацией одного из лучших наших театров. ЗМ. БЕСКИН.